

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С.В. Захаров

Анализируется состояние вопроса о происхождении ботайской культуры. Делается вывод, что существуют разнобой и противоречивость во взглядах на эту проблему. Практически все высказанные по ней мнения декларативны и не подкреплены конкретными фактологическими исследованиями. Специального исследования проблемы не проводилось. Отдельные аналогии материалам ботайской культуры, выявленные за пределами Урало-Казахстанского региона, заставляют усомниться в ее автохтонности и поставить вопрос о проведении специального изучения этой проблемы.

Ботайская культура, Северный Казахстан, лесная зона Восточной Европы, энеолит, происхождение, автохтонность, аналогии.

Начало изучения энеолита Северного Казахстана обычно связывают с открытием в 1980 г. поселения Ботай [Зайберт, 1981], которое сразу же было определено как однослойный энеолитический памятник. В 1983 г. было открыто поселение Рошинское [Кисленко, 1984]. Эти открытия позволили В.Ф. Зайберту поставить вопрос о выделении новой энеолитической культуры — ботайской [1983]. Помимо поселений Ботай и Рошинское раскопки проводились на поселениях Васильковка IV, Баландино, Сергеевка, Красный Яр. В исследованиях энеолитических памятников приняли участие специалисты из крупных научных центров: Челябинска, Пущино, Москвы, Ленинграда. Летом 1983 г. на базе поселения Ботай был проведен Всесоюзный полевой археологический семинар, участники которого обсудили ряд важных проблем изучения памятника [Зайберт, 1985. С. 3].

Фактически изучение энеолита Северного Казахстана началось с исследования в 1970 г. Л.Я. Чалой стоянки на левом берегу р. Иман-Бурлук с двумя хронологическими горизонтами — неолитическим (Иман-Бурлук 1) и энеолитическим (Иман-Бурлук 2). Стоянка находится, по одним данным, в 1,5 км [Чалая и др., 1971, с. 407], по другим — в 2,5 км к юго-востоку от с. Никольско-Бурлукского [Чалая, 1973, с. 188].

Л.А. Чалая сразу же верно оценила место материалов стоянки Иман-Бурлук 2 среди других памятников каменного века соседних территорий, отметив их тождественность с комплексами стоянки Терсек-Карагай в Кустанайском Притоболье и поселениями суртандинского типа в Зауралье (Кысы-Куль, Сабакты III и др.) [1973, с. 201]. В то же время она показала резкие различия в каменном инвентаре и керамике стоянок Иман-Бурлук 1 и Иман-Бурлук 2.

Исследователем отмечено использование разного каменного сырья обитателями двух стоянок (кварцита на Иман-Бурлуке 1 и яшмовидной породы на Иман-Бурлуке 2) и разных типов орудий (на Иман-Бурлуке 1 — пластины и изделия из пластин, скребки на грубых массивных отщепях, массивные отщепы неопределенных очертаний, нуклеусы для снятия пластин, «утюжок», попавший очевидно из другого комплекса; на Иман-Бурлуке 2 — доминирование отщеповой технологии, скребки, сверла, ножи разнообразных форм, ретушированные отщепы, наконечники стрел, дротиков и копий с двусторонней обработкой по всей поверхности, орудия для деревообработки, просверленные диски, «утюжок», костяные ложила, вкладышевый костяной нож, а также небольшое число пластин, которые, как теперь известно, для этого комплекса инородные). Показано своеобразие керамического материала стоянки Иман-Бурлук 2: наличие орнаментации (оттиски гребенки разных размеров, ямки), текстильных отпечатков, круглодонная форма с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, часть сосудов заглажены тупым гребенчатым штампом, часть — покрыты лощением, более сильный обжиг керамики, искусственная примесь дресвы [Чалая, 1973, с. 198–200].

Касаясь вопроса культурной преемственности материалов стоянок Иман-Бурлук 1 и Иман-Бурлук 2, Л.А. Чалая отметила, что серьезные различия в керамике и каменной индустрии носят не хронологический характер и «все это вряд ли говорит о преемственности в инвентаре обитателей стоянок, оно отражает более сложные исторические процессы, протекавшие на этой тер-

ритории в неолитическое время» [1973, с. 200]. То есть, исследователь не видела между ними генетической связи.

С точки зрения генезиса памятников типа Иман-Бурлук 2 и Ботай очень интересно, что, помимо суртандинских памятников и стоянки Терсек-Карагай, аналогии иман-бурлукской керамике по таким элементам узора, как «лесенка», «елка», «качалка» крупной гребенкой, насечки, Л.А. Чалая прослеживала в керамике не ранних, а поздних кельтеминарских памятников [1973, с. 201], что ставит под сомнение возможность влияния кельтеминарской культуры на формирование ботайских памятников.

Затем исследование энеолита в Северном Казахстане прекратилось и возобновилось только через 10 лет. Вопросы соотношения энеолитических и неолитических памятников Северного Казахстана стали решаться в совершенно ином ключе.

В 1984 г. вышла совместная статья В.Ф. Зайберта и О.И. Мартынюка «Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай» [1984], в которой впервые была опубликована ботайская керамика. Авторами высказывалось утверждение о происхождении ботайской керамики на основе неолитической посуды атбасарской культуры. Также был поставлен вопрос о включении ботайской культуры в обширную энеолитическую культурную общность, которая к тому времени еще не имела названия.

Уже к 1985 г. коллективом археологов Северо-Казахстанской археологической экспедиции были достигнуты значительные успехи в изучении материалов поселения Ботай.

В статье В.Ф. Зайберта «Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана» была дана краткая история изучения этого, без сомнения, уникального памятника, его описание и общая характеристика археологического комплекса [1985, с. 3–7]. Подводя итоги первого этапа изучения энеолита Северного Казахстана, В.Ф. Зайберт наметил задачи дальнейшего изучения ботайской культуры [Там же, с. 12–13], к которым отнес и выявление динамики развития культур каменного века на территории Казахстана.

Одновременно вышла серия статей других исследователей поселения, посвященных более подробной характеристике различных категорий инвентаря: каменного и костяного, рубящих орудий, керамики, а также текстильному делу [Мартынюк, 1985; Заитов, 1985; Даниленко, 1985; Плешаков, Зайберт, 1985; Чернай, 1985]. Вопрос о происхождении ботайской культуры в них не поднимался, однако присутствуют отдельные сюжеты, так или иначе имеющие отношение к указанной проблеме.

В статье «Керамика поселения Ботай» [Мартынюк, 1985] четко обозначена актуальность исследования проблемы происхождения ботайской керамики, а именно изучения происхождения веревочной и текстильной орнаментации и технико-технологического процесса изготовления посуды.

И.Л. Чернай исследовал текстильные отпечатки на ботайской керамике [1985]. Он сделал ряд важных наблюдений по технологии изготовления текстильной керамики, а также ее распространению в пространстве и во времени: отпечатки на керамике оставлены неткацким текстилем; текстильные отпечатки на керамике обязательно сочетаются с гребенчатыми расчесами на внутренней поверхности сосудов; в совокупности они являются свидетельством формирования сосудов внутри тканевого мешочка; впервые керамика с отпечатками неткацкого текстиля и гребенчатыми расчесами появляется в неолите на памятниках лесной и лесостепной зон Восточной Европы, где отпечатки ткани первоначально заглаживали перед нанесением ямочно-гребенчатого орнамента; после перерыва в эпоху ранней и средней бронзы эта традиция возрождается на указанной территории, становится очень распространенной в раннем железном веке и существует до середины II тыс. н.э.; в Северном Казахстане и Южном Зауралье подобный способ изготовления керамики с применением неткацкого текстиля появляется только в энеолите, с началом бронзового века исчезает и больше не фиксируется; в бронзовом веке используется уже полуткацкий текстиль, сосуды изготавливаются на болванке, обтянутой тканью; это свидетельствует о резкой смене керамических традиций и населения.

Нелогичным выглядит другой вывод исследователя — о более раннем применении неткацкого текстиля при формовке глиняной посуды в Северном Казахстане и Южном Зауралье, чем в других районах лесостепной и лесной Евразии [Чернай, 1985, с. 109], так как выше И.Л. Чернай упоминает о существовании такого способа формовки еще в среде неолитического населения культуры ямочно-гребенчатой керамики и в неолите Германии [Там же, с. 96–98]. Результаты исследований И.Л. Черная очень важны для изучения происхождения ботайской культуры, хотя сам ученый этим вопросом не задавался и считал появление текстильной керамики на террито-

К вопросу о происхождении ботайской культуры

рии Северного Казахстана и Южного Зауралья (как и на других территориях) связанным с развитием производящего хозяйства в энеолите, т.е. конвергентным.

Исследования И.Л. Черная вызвали полемику. Текстильное происхождение отпечатков на керамике оспаривается Т.Н. Глушковой [1993]. Основываясь на своих материалах, полученных с энеолитических и раннебронзовых памятников Западной Сибири, она считает, что «текстильные» отпечатки на керамике оставлены на самом деле различными нетекстильными способами с помощью инструментов: прокатом круглой палочки, обмотанной двух- или трехжильным жгутом; многократным оттискиванием гребенчатого штампа; прокатом твердого инструмента; выбивкой стенок сосудов твердой колотушкой; «жгутиковым текстилем» [Там же, с. 61, 63].

Такого же мнения придерживается И.Г. Глушков: «Инструментом нанесения текстильных отпечатков служила круглая палочка с намотанным на нее жгутом из двух или трех толстых нитей. Перевитие нитей в жгутах было самым различным — от сильной до слабой скученности. Другим инструментом, в результате работы которого получались текстильные отпечатки, могла быть лопаточка-колотушка для выравнивания рельефа поверхности, также обмотанная шнуром» (цит. по: [Мосин, 2003, с. 55–56]).

Природа полемики по поводу характера «текстильных» отпечатков на ботайской керамике, на наш взгляд, вытекает из культурной специфики объекта исследования, на основе которого формируются выводы этих ученых. И.Л. Черная свои выводы строит на основе изучения многочисленных коллекций с памятников лесной зоны Восточной Европы. Т.Н. Глушкова и И.Г. Глушков используют материалы западно-сибирских поселений. То есть, привлекаются материалы, относящиеся к различным культурным зонам. Решение этой проблемы зависит не только от экспериментальных исследований, но и от ответа на вопрос о принадлежности текстильной керамики ботайской культуры к той или иной культурной зоне.

В.И. Заитов [1985] подтвердил правильность наблюдений Л.А. Чалой над каменным инвентарем памятника Иман-Бурлук, выявив факт существования на Ботае двух несвязанных между собой генетически кремневых комплексов — пластинчатого микролитического неолитического и собственно ботайского отщепового.

Опубликовав костяной инвентарь поселения Ботай, Т.А. Даниленко [1985] справедливо отметила «высокий уровень косторезного дела, уникальность и своеобразие коллекции», так как для памятников предшествующей, неолитической эпохи Северного Казахстана, Зауралья и Западной Сибири многочисленные коллекции костяных орудий не характерны. В то же время она указала, что некоторые типы костяных изделий встречаются на памятниках верхнего палеолита — энеолита на территории от Урала и Поволжья до бассейна Сухоны и Восточного Прионежья [Там же, с. 47].

С точки зрения происхождения рубящих каменных орудий ботайской культуры показательно то, что А.А. Плешаков и В.Ф. Зайберт [1985] при разработке их типологии более удобной сочли классификацию В.М. Воробьева, разработанную им на основе материалов с мезолитических памятников Северной и Восточной Европы [Воробьев, 1979, с. 47]. Была выявлена устойчивая локальная традиция в их изготовлении и доказан высокий технический уровень деревообработки на поселении Ботай, что не логично для постулируемой автохтонной степной культуры.

Г.В. Рыкушиной и В.Ф. Зайбертом были опубликованы очень важные для решения вопроса о генезисе ботайской культуры данные о ее погребальном обряде и антропологическая характеристика жителей поселения Ботай [1984]. С нашей точки зрения, здесь диагностирующей является традиция коллективных захоронений на территории поселения.

В последующем вышел еще ряд статей исследователей ботайской культуры, также давших информацию по рассматриваемой проблеме.

Исследование по выделению энеолитических культурно-хозяйственных комплексов в Северном Казахстане, предпринятое А.М. Кисленко и Н.С. Татаринцевой [1990], показало, что в Приишимье в энеолите существовали две культурно-хозяйственные зоны — лесостепная и степная [Там же, с. 95–98]. Причем для лесостепного культурно-хозяйственного типа (КХТ), представленного поселениями Сергеевка и Баландино, характерны значительная доля орудий на пластинах и ограниченный их ассортимент. Этот археологически зафиксированный факт иллюстрирует более сложную историю каменных индустрий в регионе в эпоху неолита-энеолита и дает повод для переосмысления истоков отщеповой технологии ботайской культуры.

В статье, посвященной перфорированным дискам поселения Ботай [Заитов, 1992], обращено внимание на уникальность ботайской коллекции каменных дисков. Среди немногочислен-

ных примеров распространения этого вида каменных орудий на других территориях упомянут факт частой встречаемости их в музеях Швеции, Норвегии, Германии и Финляндии [Там же, с. 143]. Однако не показана их хронологическая и культурная приуроченность, хотя по этим данным, тесно увязанным с вопросами происхождения орнаментации, форм керамики, ее технологических характеристик, происхождения отщеповой индустрии, можно было бы наметить и истоки традиции изготовления перфорированных каменных дисков в ботайской культуре.

В 1993 г. вышла обширная статья А.М. Кисленко «Опыт реконструкции энеолитического жилища» [1993]. Был предложен оригинальный вариант реконструкции ботайского жилища. Однако реконструкция всегда гипотетична. Более важен уникальный для Северного Казахстана и соседних территорий тип планировки жилищ и поселения. Жилища-полуземлянки располагались на поселении группами, в которые объединялись крытыми переходами. Наиболее характерная форма котлована жилищ — округлая и многоугольная [Там же, с. 125–127, 129, 131, рис. 3]. Однако в статье специально отмечено, что первые жилища имели прямоугольную форму котлована, а ее изменение в сторону округлости и многоугольности было продиктовано демографическими процессами и природно-климатическими условиями [Там же, с. 134, 136], что, вкупе со своеобразием планировки жилищ и поселений, может достаточно четко обозначить вектор исследований истоков традиций ботайского домостроения и культуры в целом.

Основные положения о происхождении ботайской культуры были высказаны главой тогдашнего коллектива североказахстанских археологов В.Ф. Зайбертом и его оппонентом в этом вопросе Г.Н. Матюшиным, исследователем суртандинской культуры, близкой по облику североказахстанским энеолитическим памятникам. Оба ученых выступают за местное происхождение энеолитических культур в изучаемых ими регионах. Правда, Г.Н. Матюшин более категоричен, так как видит только эволюционное развитие неолитической культуры Южного Урала в энеолитическую без каких-либо внешних воздействий [1982, с. 270–273]. В.Ф. Зайберт занимает компромиссную позицию, отмечая не только преемственность в развитии атбасарской и ботайской культур, но и наличие элементов инноваций с юго-запада и севера [1985, с. 14–15; 1993, с. 158]. Вместе с тем он говорит и об изолированности и отсутствии контактов между степными и лесными памятниками [Зайберт, 1993, с. 152], а значит, отрицает возможность влияния северных культур. Если в отношении юго-западного импульса он конкретизирует, в чем именно проявляется воздействие (глиняная архитектура) [Зайберт, 1985, с. 15], то в отношении северных инноваций этого не сделано.

Говоря о происхождении ботайской культуры, В.Ф. Зайберт утверждает, что «достижения в различных областях деятельности населения энеолитического общества связаны своими корнями с предшествующими неолитическими культурами, в частности, с памятниками неолитической атбасарской культуры» [1985, с. 13]. Связь ботайской культуры с атбасарской В.Ф. Зайберт прослеживает по следующим позициям: 1) в конце неолита происходит переход от использования кремневого и яшмового сырья к применению некачественной кварцевой породы и крупнозернистой яшмы, от пластинчатой техники к отщеповой, распространяются двустороннеобработанные наконечники, сохраняются традиции изготовления рубящих орудий, хотя отмечается сужение номенклатуры типов [1985, с. 14]; 2) оседлость неолитических рыболовов явилась исходной основой для формирования производящего хозяйства ботайцев [1993, с. 201]; 3) в керамике преемственность наблюдается в гребенчато-ямочной орнаментации, распространении «шагающей» гребенки; утверждается, что текстильная орнаментация появляется в Северном Казахстане еще в неолите (хотя ни на одном из памятников неолита Северного Казахстана и соседних регионов текстильная керамика не зафиксирована); исходя из устаревшего представления о позднем появлении в ботайской культуре веревочной орнаментации по сравнению с другими техниками она интерпретируется как дериват текстильной орнаментации [1985, с. 15]. Однако сам исследователь говорит о предположительном характере своих заключений о преемственности керамического производства и орнаментации атбасарцев и ботайцев [Зайберт, 1985, с. 15].

Стремление В.Ф. Зайберта расширить ареал ботайской культуры до Притоболья включительно [1993, с. 149], наряду с аналогиями ее инвентарю в турганинской культуре лесного и степного Приуралья, прослеживаемыми И.Б. Васильевым [1992, с. 10], имеет свою позитивную сторону — сокращается территориальный разрыв между казахстанскими и восточно-европейскими энеолитическими памятниками.

К вопросу о происхождении ботайской культуры

Эти положения В.Ф. Зайберта остаются неизменными и повторяются в его последующих публикациях, но с некоторыми модификациями. Происхождение культуры видится ему на основе явленского варианта атбасарской культуры [Зайберт, 1992, с. 122, 129; 1993, с. 154, рис. 50] с элементами инноваций с юго-запада и севера в ходе опосредованных связей «через контактные зоны ботайской, суртандинской, кельтеминарской культур» [Зайберт, 1993, с. 158].

В монографии «Энеолит Урало-Иртышского междуречья» В.Ф. Зайберт уже говорит о преемственности только «в отношении изготовления некоторой части посуды и орнаментике» [1993, с. 159], но воздерживается от конкретизации своего тезиса. Здесь же автор отмечает, что ряд категорий ботайского инвентаря являются принципиально новыми, в местном неолите не встречающимися, это — каменные диски, дисковидные скребла, костяные долота, тесла, наколенники палок-копалок, гравированные фаланги животных и др. [Там же].

Вопрос о происхождении ботайской культуры затронут Г.Н. Матюшиным в связи с проблемами соотношения ботайских и суртандинских памятников и дальнейшей судьбы энеолитической культуры Южного Урала. Исходя из постулируемой им более ранней даты существования суртандинской культуры (IV–III тыс. до н.э.) по сравнению с ботайской (середина — вторая половина III тыс. до н.э.), а также на основе схожести каменного инвентаря, типа хозяйства и присутствия тальковой керамики он выдвигает идею о миграции суртандинского населения с озер Южного Урала под давлением экологического кризиса на юго-восток, в степи Северного Казахстана [Матюшин, 1988, с. 49]. Однако, как отметил В.Ф. Зайберт [1993, с. 157], здесь Г.Н. Матюшин не последователен. В публикациях до и после выхода в свет монографии, посвященной энеолиту Южного Урала, эта точка зрения присутствует. В самой же монографии о таком варианте происхождения ботайской культуры не говорится, хотя Ботай называется типично суртандинским поселением [Матюшин, 1982, с. 111].

Местную основу для ботайских памятников Г.Н. Матюшин отрицает, мотивируя тем, что мезолитические памятники Северного Казахстана не составляли особого культурного круга, а находились под влиянием урало-прикаспийских культур. В неолите же территория Ишимско-Иртышского междуречья была «мало заселена» [Матюшин, 1988, с. 49].

Ряд позиций по проблеме происхождения ботайской и других энеолитических культур Зауралья и Северного Казахстана были высказаны и другими исследователями.

Авторы первого тома нового академического издания «Истории Казахстана» выразили сомнение в автохтонности ботайской культуры: «К настоящему времени не удается проследить четкой связи (атбасарской культуры.— С.З.) с последующей на этой территории культурой — ботайской. Фиксируется лишь... угасание к концу IV тыс. до н.э. пластинчатой индустрии и формирование отщеповой» [1996, с. 93].

По мнению В.Н. Логвина, «между степями Европы и Азии непреодолимых для людей этой эпохи барьеров нет... Если даже исходный резервуар степной энеолитической традиции находился в Восточной Европе, они неизбежно должны были проникнуть в азиатскую часть еще на стадии формирования» [1986, с. 23]. Тем самым исследователь относит энеолитические памятники Кустанайщины к кругу степных культур и в то же время выступает за формирование их на местной основе, но под влиянием внешней идеи.

С.С. Калиева и В.Н. Логвин выступают категорически против стремления В.Ф. Зайберта и Г.Н. Матюшина вывести энеолитические культуры непосредственно из местного неолита и аргументированно опровергают соответствующие доказательства [1997, с. 152–155]. По их мнению, процесс формирования позднеэнеолитических культур в Урало-Иртышском регионе должен быть схож с таковым в степях Восточной Европы. Терсекской и ботайской культурам должны предшествовать ранне- и среднеэнеолитические комплексы, в какой-то степени близкие мариупольским и хвалынским памятникам [Там же, с. 155–157]. В Притоболье уже выделены боборыкинские материалы (поселения Алкау 2, Бестамак, Сулуколь 1), которые синхронизируются с мариупольскими. Однако они фрагментарны, что удерживает В.Н. Логвина и С.С. Калиеву от каких-либо конкретных выводов о степени участия боборыкинцев в сложении терсекских древностей [Там же, с. 159]. В то же время исследователи не отрицают влияния каких-то неолитических традиций на процесс образования общности энеолитических культур Урало-Иртышского региона. И, что очень важно, исследования кустанайских ученых показывают, что местная неолитическая культура довольно рано прекращает свое существование и непосредственно с позднеэнеолитической не связана.

В отличие от других исследователей энеолита, В.Н. Логвин предпринимает исследование вопросов происхождения, хронологии и культурной принадлежности терсекской культуры на широком историческом и географическом фоне. Так, исследуя закономерности развития каменной индустрии на территории от Иртыша до Днепра в степной, лесостепной и лесной зонах, он старается проследить существование якобы генеральной линии развития каменных индустрий на различных территориях от микролитических пластинчатых через индустрии на крупных пластинах к отщеповым [Логвин, 1991, с. 38–44]. Эту попытку нельзя признать удачной. Тем не менее он, сам того не замечая, во-первых, очерчивает территорию существования отщеповой индустрии в неолите в локальном регионе и распространения ее в энеолите на обширные территории; во-вторых, показывает хронологическую и культурную близость по каменному инвентарю материалов терсекской, а значит, и ботайской культуры с волосовскими и гаринскими древностями. Подобное наблюдение было высказано еще С.С. Калиевой в отношении «Клада Аксу», который она считает близким волосовским кладам со стоянок Володары и Сахтыш II [1988, с. 243]. Такое исследование очень ценно для решения вопроса о происхождении такой категории ботайской культуры, как каменная индустрия.

Большой вклад в изучение энеолита Северного Казахстана и Зауралья внес В.С. Мосин. Он завершил исследование ботайской керамики и высказал ряд идей по поводу культурогенеза в регионе в эпоху мезолита — энеолита [1993, 2003, 2005]. Касаясь вопроса происхождения керамики ботайской культуры, В.С. Мосин отметил, что неолитическая керамика Северного Казахстана очень малочисленна [2003, с. 75] и не позволяет аргументированно рассуждать о генетической преемственности атбасарской и ботайской посуды. Исследование ботайской керамики В.С. Мосиным проведено на широком фоне развития орнаментальных традиций на сопредельных территориях в энеолите. Им прослежены аналогии веревочной, текстильной и геометрической гребенчатой керамики в энеолитических (а по части текстильной керамики и в поздне-неолитических) комплексах на территории лесной полосы Восточной Европы и севера европейской части России, что позволило включить ее в зону распространения гребенчатых и гребенчато-ямочных культур лесной полосы от Зауралья до Прибалтики. Выводы его довольно однозначны: в энеолите подобная керамика широко распространена практически во всей лесной зоне Восточной Европы и Зауралья, за исключением территории распространения волосовской культуры, которая в этом плане представляет собой «белое пятно» в распространении гребенчатой геометрической керамики [Мосин, 1993; 2003, с. 99].

В.С. Мосин не соглашается с мнением В.Ф. Зайберта и Г.Н. Матюшина о происхождении ботайской и суртандинской культур непосредственно на базе местного неолита. С его точки зрения, между неолитическими и энеолитическими памятниками региона существует группа переходных памятников типа Шувакиш (Среднее Зауралье) и Агаповка I и Суртанды III (Южное Зауралье), в которых присутствуют как поздне-неолитические, так и энеолитические черты [Мосин, 2003, с. 79–80]. Вместе с тем В.С. Мосин постоянно акцентирует внимание на том, что для эпохи мезолита — энеолита характерна автохтонная линия развития культуры [1996, с. 30; 2003, с. 104].

Исследователь считает, что формирование энеолитической общности геометрической керамики происходило на базе позднего неолита с преобладанием керамики, орнаментированной гребенчатым штампом [Мосин, 1996, с. 30].

По мнению В.С. Мосина, мезолит и неолит Зауралья показывают весьма тесные связи с памятниками Восточного Прикаспия и Приаралья, носящие характер непосредственных миграций населения из этих регионов [1996, с. 30]. В то же время им не выявлено аналогий энеолитической керамики в Среднеазиатском регионе, но обнаружены сильные параллели в памятниках медно-каменного века на территории лесной полосы Восточной Европы. При этом исследователь практически в каждой своей работе говорит об автохтонности развития зауральского населения в период мезолита — энеолита. Таким образом, создается очень противоречивая картина историко-культурных процессов.

Параллельно В.С. Мосиным практически решается вопрос о происхождении текстильной орнаментации ботайской керамики на основе керамических традиций позднего этапа культуры ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы Восточной Европы [2003, с. 99–102], что предполагает инокультурное влияние или даже появление нового населения в регионе.

К вопросу о происхождении ботайской культуры

Прослежены В.С. Мосиным и отдельные аналогии в инвентаре ботайской культуры (керамика, керамические пряслица, «утюжки») с комплексами кельтеминарской культуры, которые, по его мнению, носят обменный, но не генетический характер [Там же, с. 83–84].

Взгляды В.С. Мосина на происхождение энеолитических культур Северного Казахстана и Зауралья довольно противоречивы. В целом он резонно считает, что этот вопрос далек от своего разрешения.

Н.М. Чаиркина видит причину и историю возникновения ботайской культуры в процессах развития энеолитической культурно-исторической общности, которую она именует зауральско-североказахстанской [1996]. Согласно ее построениям, ранний этап истории энеолитических культур исследуемой общности происходил в позднем атлантике на территории лесного Зауралья и Притоболья. Здесь в начале III тыс. до н.э. оформляется ряд культур и типов памятников: липчинско-шувакишские в Среднем Зауралье, атымьинские в бассейне р. Конды, липчинско-протошапукульские и андреевские в Тюменском Притоболье, кысыкульские в лесной зоне Южно-уральского Приозерья. Они представлены керамикой, сочетающей накольчато-отступающую геометрическую липчинскую орнаментацию и гребенчатую в нескольких вариантах, характеризующуюся линейными и в меньшей степени простейшими геометрическими узорами.

В конце второй четверти III тыс. до н.э. вследствие изменения природно-климатических условий «многокомпонентные комплексы трансформируются в гребенчатые: липчинско-шувакишские в аятские, атымьинские в волвончинские, кысыкульские в суртандинские, липчинские и протошапукульские (?) в шапукульские», накольчатый геометризм получает гребенчатое исполнение.

В результате оттока населения на периферию формируется как северная провинция (йоркутинские, пернашорские, ортинские чужьяелские, концеборские типы памятников, комплексы типа унига (?), ранний гребенчатый комплекс сартыньинской культуры), так и южная, включающая ботайскую и терсекскую культуры [Чаиркина, 1996, с. 44–45]. То есть, ботайская культура имеет миграционное происхождение в связи с импульсом из зауральско-западносибирского региона.

Это типичный пример узкорегональных исследований, оторванных от широкой картины исторических и культурных процессов, происходивших в нео-энеолите на огромной территории лесной зоны. Вероятно, они призваны показать доминирующую роль региона исследования в синхронных культурных процессах, однако искажают реальную историческую картину. С нашей точки зрения, ранее высказанное Н.М. Чаиркиной совместно с В.Т. Ковалевой мнение о том, что вероятно распространение гребенчатой традиции в Зауралье извне через Южный Урал [Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 63], более близко к истине.

Помимо генеральных идей по проблеме происхождения энеолитических культур Северного Казахстана и Зауралья обсуждались и частные вопросы в рамках этой проблемы. Так, в решении вопроса о происхождении ботайской культуры важна полемика по поводу приоритетности появления той ли другой орнаментальной техники на энеолитических памятниках Северного Казахстана.

О.И. Мартынюк высказал предположение о более позднем появлении веревочной керамики на поселении Ботай по сравнению с гребенчатой и текстильной посудой [1985, с. 68, 70, рис. 80]. С.С. Калиева и В.Н. Логвин не расчлениают хронологически веревочно-гребенчатую керамику по типу орнаментации, но в то же время отмечают, что веревочно-гребенчатые комплексы более ранние, чем чисто гребенчатые [1997, с. 136–139].

В.С. Мосин считает, что приоритет в появлении на позднеэнеолитических памятниках Северного Казахстана и Зауралья принадлежит керамике с веревочной техникой орнаментации. Он относит веревочную керамику к раннему этапу энеолита на основании ее присутствия в комплексах с гребенчатой керамикой, керамикой, украшенной «гусеничкой», рамчатым штампом, отщепово-пластинчатой индустрией типа шувакишских памятников, стоянок Агаповка I, Суртанды III и считает возможным датировать временем 4800–4600 л.н. [Мосин и др., 2000, с. 214]. В связи с этим исследователь придает ключевое значение проблеме происхождения веревочной техники орнаментации в выяснении процессов формирования энеолитических культур региона: «Остается пока неясным один принципиальный вопрос — появление веревочной керамики. Решение этого вопроса позволит говорить о процессе генезиса энеолита как Зауралья, так и Северного Казахстана» [Там же, с. 216]. Хотя и не вполне определенно, но все же он склоняется к мысли о

сочетании веревочной керамики на ранней стадии энеолита с пластинчато-отщеповой индустрией [Мосин, 2003, с. 75–80].

Взгляды на происхождение ботайской культуры тесно связаны с проблемой периодизации. По поводу периодизации энеолитических культур Зауралья и Северного Казахстана единого мнения нет, хотя практически все исследователи говорят о двух этапах их существования.

В.Ф. Зайберт постулирует существование ботайского и постботайского периодов в истории ботайской культуры, не выделяя переходного нео-энеолитического этапа [1993, с. 152–157] в силу отсутствия соответствующих памятников.

Уральские исследователи выделяют ранний переходный этап в виде памятников шувакишского типа с преобладанием гребенчатой орнаментации с простыми мотивами, появлением веревочной керамики и складыванием смешанной пластинчато-отщеповой индустрии и поздний период, когда господствующей становится гребенчатая орнаментация в геометрическом стиле и отщеповая индустрия [Мосин и др., 2000, с. 214; Чаиркина, 1996].

Исследователями были высказаны также отдельные соображения по поводу этнолингвистической принадлежности энеолитических культур региона.

В.С. Мосин полагает, что в энеолите произошло окончательное разделение финно-угорских племен на финские и угорские с границей по Уральскому хребту. Энеолитическое население Северного Казахстана и Зауралья он отнес к угорской общности [1993; 2003, с. 99]. В.Н. Логвин и С.С. Калиева придерживаются такой же позиции, отстаивая угорскую принадлежность терсекцев [1997, с. 148–149].

По мнению В.Ф. Зайберта, вопрос о соотношении ботайской культуры с определенной этнолингвистической общностью остается открытым [1993, с. 151]. Однако в более ранней своей работе он, пожалуй, впервые высказывает гипотезу о принадлежности ботайского населения к кругу индоевропейских племен, расселявшихся с запада на восток по кромке степной и лесостепной полосы [Зайберт, 1989, с. 176–177].

Таким образом, существует довольно большой разнобой и противоречивость во взглядах на истоки ботайской культуры как среди исследователей, непосредственно занимающихся ее изучением, так и среди исследователей энеолита Зауральского региона. Удовлетворительного решения проблемы пока не предложено. Практически все соответствующие идеи декларативны и не подкреплены конкретными фактологическими исследованиями, часто они основаны на приверженности ученых автохтонизму и регионализму, что приводит только к «перетягиванию одеяла» с целью наиболее выпукло показать вклад населения исследуемой тем или иным ученым территории в культурно-исторические процессы в древности.

Кропотливого исследования происхождения хотя бы одной из категорий ботайского материального комплекса до сих пор не проводилось (за исключением, пожалуй, происхождения текстильной керамики, которое предпринял В.С. Мосин). Причем такого исследования, которое вышло бы за рамки Урало-Иртышского региона, с привлечением материала по памятникам предшествующей, неолитической эпохи с огромных пространств соседних и отдаленных регионов.

Однако в последнее время стали предприниматься отдельные попытки такого подхода. С.В. Захаровым проведено сравнение поселенческого материала ботайских и суртандинской памятников с целью решения вопроса о соотношении двух культур [2002б]. Детальный анализ показал, что практически никаких аналогий в планировке поселений, конструкциях и формах жилищ этих культур нет. Тем самым снимается одна из версий о происхождении памятников типа Ботая.

Сравнительный анализ жилищ и поселений ботайской культуры с соседними синхронными памятниками [Захаров, 2002а] показал, что аналогий ботайскому домостроению нет и в других сопредельных культурах. Вместе с тем впервые было обращено внимание на то, что единственными памятниками со схожей планировкой жилищ являются волосовско-гаринские энеолитические поселения.

Практически решена проблема происхождения веревочной орнаментации [Захаров, 2004]. Традиция украшать керамику оттисками веревочки зарождается в раннеэнеолитических культурах типа сперрингс, сярязниими, нарвская культура, а затем распространяется на территории Волго-Окского междуречья в среде неолитических племен культуры ямочно-гребенчатой керамики и существует в этом регионе вплоть до развитого средневековья. В других регионах такая орнаментация не бытовала. Племена Волго-Окского междуречья — единственная среда, откуда она могла проникнуть на территорию Северного Казахстана и Зауралья.

К вопросу о происхождении ботайской культуры

Аналогии в домостроении и веревочной орнаментации довольно четко намечают вектор наших дальнейших исследований в области происхождения других категорий материала ботайской культуры и позволяют нам выдвинуть в качестве рабочей гипотезы положение о миграционном происхождении ботайской культуры на основе памятников культуры ямочно-гребенчатой керамики позднего этапа ее существования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильев И.Б.* Проблема взаимодействия древних культур Волго-Уралья и Казахстана // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992. С. 9–11.
- Воробьев В. М.* Некоторые вопросы изучения мезолитических рубящих орудий // СА. 1979. № 3. С. 35–47.
- Глушкова Т.Н.* Общие тенденции развития ткацкого дела в Сибири в древности // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. Петропавловск: ИА НАН Респ. Казахстан, 1993. С. 57–71.
- Даниленко Т.А.* Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1985. С. 34–47.
- Заитов В.И.* Характеристика каменных орудий поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1985. С. 17–33.
- Заитов В.И.* Каменные перфорированные диски поселения Ботай // РА. 1992. № 2. С. 136–146.
- Зайберт В.Ф.* Исследования в Северном Казахстане // АО 1980. М.: Наука, 1981. С. 435–436.
- Зайберт В.Ф.* Сложение энеолитической ботайской культуры в Урало-Иртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул: ИИФиф: АлтГУ, 1983. С. 88–90.
- Зайберт В.Ф.* Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1985. С. 3–17.
- Зайберт В.Ф.* Динамика взаимодействия природно-экологических и социально-экономических факторов в процессе становления и развития производящего хозяйства в степях Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 171–179.
- Зайберт В.Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1993. 246 с.
- Зайберт В.Ф., Мартынюк О.И.* Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай // КСИА. 1984. Вып. 177. С. 81–90.
- Захаров С.В.* Параллели с домостроением ботайской культуры в синхронных и синстадиальных культурах сопредельных территорий // Актуальные проблемы высшей школы в третьем тысячелетии: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Петропавловск: СКГУ, 2002а. Т. 3. С. 221–230.
- Захаров С.В.* Сравнительный анализ поселений и жилищ ботайской и суртандинской культур // Десятилетие суверенного Казахстана: История и перспективы развития: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Петропавловск: СКГУ, 2002б. Т. 1 С. 126–132.
- Захаров С.В.* К вопросу о происхождении веревочной техники орнаментации позднеэнеолитической керамики Северного Казахстана // Освоение целинных земель и современное развитие регионов Казахстана и России: Материалы науч.-практ. конф. Петропавловск: СКГУ, 2004. С. 77–84.
- История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): В 4 т. Т. 1.* Алматы: Атамұра, 1996. 544 с.
- Калиева С.С.* Клад Аксу в Степном Притоболье // СА. 1988. № 3. С. 240–243.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.* Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: КустГУ, 1997.
- Кисленко А.М.* Опыт реконструкции энеолитического жилища // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. Петропавловск: Наука, 1993. С. 117–137.
- Кисленко А.М.* Раскопки поселения Роцинское // АО 1983. М.: Наука, 1984. С. 511.
- Кисленко А.М., Татаринцева Н.С.* Культурно-хозяйственные комплексы палеометалла в Ишимской степи // Археология волго-уральских степей. Челябинск: ЧелГУ, 1990. С. 81–99.
- Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М.* Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного — начале бронзового века: Итоги и проблемы исследования // ВАУ. 1991. С. 45–70.
- Логвин В.Н.* Неолит и энеолит степного Притоболья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 26 с.
- Логвин В.Н.* Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит — энеолит): Учеб. пособие по спецкурсу. Алма-Ата, 1991. 64 с.
- Мартынюк О.И.* Керамика поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1985. С. 59–72.
- Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Матюшин Г.Н.* Экологические кризисы и их роль в смене культур каменного века // Природа и человек. М.: ИА АН СССР, 1988. С. 21–50.
- Мосин В.С.* Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. СПб., 1993. 23 с.

С.В. Захаров

Мосин В.С. Зауральская культурно-историческая область в мезолите-энеолите // XIII Уральское археологическое совещание (23–25 апреля 1996 г.). Уфа, 1996. Ч. 1. С. 28–30.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Сер. Этногенез уральских народов. Челябинск: ЮУрГУ, 2003. 220 с.

Мосин В.С. Мезолит — энеолит Южного Зауралья: (Проблемы культурогенеза). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2005. 55 с.

Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А.Д., Боталов С.Г. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья: В 2 т. Т. 1: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 21–240.

Плешаков А.А., Зайберт В.Ф. Рубящие орудия поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1985. С. 48–59.

Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительные сообщения о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984. С. 121–136.

Чаиркина Н.М. Зауральско-Североказахстанская культурно-историческая общность эпохи энеолита // XIII Уральское археологическое совещание (23–25 апреля 1996 г.). Уфа, 1996. Ч. 1. С. 44–45.

Чалая Л.А., Раскина И.А., Войтов В.Е. Результаты работ в Северном Казахстане // АО 1970. М.: Наука, 1971. С. 407.

Чалая Л.А. Позднеэнеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 188–203.

Черная И.Л. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита — бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1985. С. 93–109.

*Петропавловск, Северо-Казахстанский
государственный университет;
Zacharov@mail.kz*

The article analyses the state of things regarding origin of the Botajsk culture. It comes to a conclusion that viewpoints on the problem are both controversial and discrepant. Practically every opinion declared thereon is declarative, without being supported by concrete practical investigations. A special research on this problem has been never made. Certain analogies of the Botajsk culture materials found outside Ural-and-Kazakhstan region, make it possible to doubt its autochthonous nature putting a question of special investigation on that problem.

The Botajsk culture, North Kazakhstan, forest zone of East Europe, Aeneolithic Age, origin, autochthonous nature, analogies.